

Анна Шнайдер

Осколки неба

Анна Шнайдер
Осколки неба

«Литнет»

2022

Шнайдер А.

Осколки неба / А. Шнайдер — «Литнет», 2022

Как жить после предательства близкого человека? Как склеить обратно разбитую жизнь, да и стоит ли склеивать? Возможно, лучше создать что-то новое, но не менее прекрасное? Внимание: история не про любовь героини к насильнику.

© Шнайдер А., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

Перед рассветом город почти мёртв: дороги пусты, окна темны, и кажется порой, что единственный звук — это твоё дыхание. А потом тишину вдруг разрезает какой-то неожиданный шум — ранний (или поздний? как считать?) мотоциклист решает проехаться по пустой улице, или где-то вдалеке залают бродячие собаки, или послышится чей-то плач. Совсем тихий, неясный, почти неразличимый, но от этого не менее горький. А кто сказал, что настоящее горе должно быть громким?

Лиза подняла голову и посмотрела на небо, вытирая слёзы холодной ладонью.

Серо-синее, оно уже начинало светлеть рядом с горизонтом, вот только тут, в городе, этого почти не было видно. Возле крыш домов появлялся белёсый оттенок, и он медленно, по чуть-чуть, поднимался всё выше и выше — словно акварельная краска, захватывающая больше и больше бумаги.

Бумаги...

Да, наверное, небо — это чистый лист, по которому каждый день неведомый нам художник рисует свои волшебные картины, никогда не повторяясь. А все человеческие жизни — они словно уже были прожиты когда-то кем-то другим. Когда читаешь книги, смотришь фильмы — повсюду узнаёшь себя. Как будто ты был там, переживал эти события, ощущал эти чувства, слышал эти слова. И вот вроде бы, когда об этом думаешь, должно становиться легче. Но почему-то не становится. Даже если это всё когда-то уже было, каждая новая боль ложится на новый, чистый лист бумаги. Словно и не было ничего.

Как краски неба — каждый день новые.

А ещё — равнодушные ко всему, что происходит здесь, на земле. Можно кричать, звать кого-то, плакать — а небо всегда будет просто смотреть. Ему всё равно, что ты разбилась на тысячи крошечных осколков.

Всё равно. Оно-то не умеет разбиваться...

Тени уходили, а с ними прояснялись и мысли. От сдерживаемых слёз болели глаза, хотелось хорошенько разрыдаться и закричать, срывая горло, но Лиза молчала — только иногда, когда становилось совсем плохо, зажимала ладонями рот.

Не надо, не надо. Не поможет. Да и другие люди, которые сейчас спят и которым завтра на работу, — они ведь ни в чём не виноваты. И среди них и дети есть, и старики. Не надо, не надо.

Грудь схватывало огненным кольцом, и сердце болело так, что казалось — вот-вот разорвётся. Да-да, разобьётся на тысячи осколков... Или оно уже? И поэтому так болит?

«Нет. Ты жива. Сердце цело. Душа разбилась».

Значит, она будет жить дальше без души.

Ещё через час на улице появились первые прохожие, в основном это были зевающие собачники со своими питомцами. Они гуляли в сквере возле Лизиной работы, тихо здороваясь друг с другом — для них это было обычное утро. И для неба, которое стало уже почти белым, — тоже.

Лизе же хотелось взять краску и покрасить мир в чёрный цвет. Так было бы честнее по отношению к ней.

«Нет, нет. Не вспоминай. Не думай. Нет!»

Поздно...

Это было... да, тринадцать лет назад. Ей тогда уже исполнилось десять. Начинался июль, и жара на улице стояла такая, что асфальт плавился. Лиза сидела на скамейке возле подъезда в лёгком льняном сарафане канареечного цвета и болтала ногами, раздумывая, чем бы заняться. Все её подружки разъехались — кто на дачу, кто на море, — мама была на работе, а сестра сдавала в то время вступительные экзамены в институт и вытолкала Лизу на улицу со словами: «Иди гулять и не мешай мне учиться».

Круг занятий был ограничен двором — чтобы было видно из окна, где Лиза, — поэтому сейчас ей предстояло выбрать: идти качаться на качелях или, может, полазить по «паутинке»?

Но решить она не успела — к дому подъехало такси, остановилось, дверцы открылись, и перед Лизой появился парень. Совсем взрослый, высокий и широкий в плечах — в общем, он был настолько здоровенным, что она открыла рот от восхищения.

Парень, наклонившись, вынес на руках из такси женщину, поставил её на ноги и, придерживая, вновь наклонился, залез внутрь машины и через секунду вытащил оттуда трость. Протянул женщине, захлопнул дверцу и, улыбнувшись, сказал:

— Ну, вот мы и дома.

И Лиза не выдержала.

— Здравствуйте! — сказала она громко и вскочила со скамейки. — А вы теперь здесь будете жить, да?

Парень и женщина обернулись, и Лиза задохнулась — таким красивым показалось ей его лицо. Глаза тёмные-тёмные, как самый горький шоколад, уверенный взгляд, лёгкая щетина, широкие скулы — тогда Лиза ещё не понимала — слишком маленькая была, — что этот человек показался ей образцом мужественности. Сообразила гораздо позже, когда к детскому восторженному восхищению добавились инстинкты.

— Да, — кивнула женщина. — Меня зовут Ольга Николаевна, а это — мой сын Денис. А тебя как зовут?

— Лиза, — ответила она, теребя юбку одновременно от неловкости и желания спросить что-нибудь ещё, узнать подробности. — А... на каком этаже?

— На пятом, — женщина улыбнулась, и Лиза, ободрённая этой улыбкой, выпалила:

— А я на четвёртом живу! А где же ваши вещи?

— Мы уже перевезли их. А сейчас сами приехали. — Кажется, женщина хотела сказать что-то ещё, но парень её перебил:

— Ладно, мам, пойдём. Тебе вредно столько времени стоять. — Денис взял Ольгу Николаевну за локоть и повёл к подъезду.

— Приятно познакомиться, — она оглянулась, и Лиза кивнула, с открытым ртом рассматривая мощную спину своего нового знакомого.

— И мне!

— Девушка, сигаретки не найдётся?

Перед Лизой, покачиваясь, стоял какой-то нетрезвый лохматый мужик. Своим вопросом он прервал её мысли — что ж, и к лучшему. Всё равно уже можно идти на работу — на часах почти восемь утра.

Сигаретка этому нетвёрдо стоящему на ногах персонажу точно была не нужна — слишком уж масляным взглядом он рассматривал Лизины коленки, торчащие из-под подола голубого летнего платья.

— Не курю, — буркнула она, поднимаясь со скамьи и быстро обходя мужика по дуге. Он попытался схватить её за руку, но с координацией сейчас явно не дружил — мазнул ладонью в воздухе и чуть не свалился носом вперёд.

— Да л-л-ладно! — закричал он уже в Лизину спину. — Не куришь, так давай выпьем! Она промолчала, только пошла быстрее. Её тошнило от омерзения.

Ещё сутки назад Лиза, увидев этого мужика, сказала бы, что Денис просто не может быть таким. Не способен.

Теперь же... Теперь она знала — способен. И способен быть даже хуже, и ещё отвратительнее. Намного отвратительнее...

Через пару дней, выскочив на улицу рано утром, Лиза заметила Ольгу Николаевну — она сидела на лавочке возле подъезда и, закрыв глаза, наслаждалась солнцем, освещавшим её лицо.

Она была очень красивой женщиной, хоть и уже немолодой. Позже, став старше, Лиза поняла, что Ольга Николаевна всегда напоминала ей девушек с картин прерафаэлитов. Особенно — своей молчаливой печалью.

— Здравствуйте! — сказала Лиза громко, ужасно обрадовавшись. И не только потому что за последнее время успела одуреть от одиночества, но и потому что — ура! — судьба подбросила ей шанс поближе познакомиться с матерью Дениса.

Лиза постоянно думала о нём, вспоминала каждый взгляд, жест, движение. И улыбалась. Пыталась его нарисовать, но ничего не получалось, результат был настолько далёк от реальности, что Лиза рвала эти рисунки, никому не показывая.

Тогда она была слишком маленькой и не понимала — он-то её заинтересовал, а вот она его — нет. Лиза совершенно не заметила, что во время первой встречи Денис не сказал ей ни слова, — так была погружена в собственные мысли и чувства.

— Доброе утро, — кивнула Ольга Николаевна, открывая глаза. — Лиза, да? Я тебя помню.

— И я вас! — Она села рядом, но тут же смутилась и спросила: — Можно я тут с вами побуду?

— Можно. Что, — женщина улыбнулась, — все подружки разъехались и тебе скучно?

— Да-а-а... — вздохнула Лиза. — Кто куда... Мы тоже поедem на море, но в августе, когда у Веры закончатся вступительные экзамены.

— С родителями?

— С мамой. Папа умер. — Лиза вновь вздохнула. Отца она совсем не помнила — он скончался от сердечного приступа, когда ей было всего три года. — Так что мы втроем поедem.

— Ясно, — улыбка Ольги Николаевны чуть потускнела. — У Дениса тоже умер папа.

— Да-а-а? — Лизе страшно хотелось спросить, когда и от чего, но она не решилась. Мама не любила, когда её спрашивали про папу, значит, скорее всего, и Ольга Николаевна не любит.

— Да, — уронила соседка тяжело и быстро спросила: — А ты в каком классе учишься?

— Я четвёртый закончила. На все пятёрки! — похвасталась Лиза. Их с Верой оценки всегда были предметом особой маминой гордости. Только вот сестра любила точные науки, а Лиза — гуманитарные.

— Молодец! — похвалила её Ольга Николаевна. — Думала уже, кем стать хочешь, когда вырастешь?

— Ага. Я хочу быть переводчиком.

Лицо у соседки стало поначалу очень удивлённым, а потом она вдруг весело улыбнулась.

— Переводчиком, говоришь... И с какого языка?

— С нескольких, конечно. Мне очень нравится французский! Но и английский я хочу выучить. И немецкий можно...

Ольга Николаевна засмеялась.

— Забавно... Что ж, Лиза, видишь ли, мы с тобой — коллеги. Я — переводчик с французского, английского и болгарского языков.

На этот раз лицо удивлённо вытянулось у Лизы.

— Вот... — Она задохнулась от восхищения — как же ей повезло! — Вот это здорово!

Охранник возле турникета, зевая, пил кофе и хрустел чипсами.

— Доброе утро, — поздоровалась Лиза, изо всех сил делая нормальное лицо, и даже улыбнулась.

— Угу, — ответил мужчина и покосился на часы, висевшие над входом. — Что-то вы рано, ещё даже восьми нет, а вы вроде с девяти?

— Так получилось, — сказала Лиза обтекаемо и, прижав пропуск к турникету, прошла дальше. Поднялась на третий этаж, в офис компании, где она работала уже третий год — начала ещё обучаясь в институте, — и, открыв ключом комнату, в которой сидела вместе с ещё пятью переводчиками, зашла в помещение.

В лицо ударил душный, горячий воздух. Воздух, за ночь основательно соскучившийся по людям. Сейчас он ими совсем не пах. А пах только пылью, разогретым металлом, похожим на запах крови, и морилкой от тараканов.

— Вот же вонь...

С облегчённым фырканьем завёлся кондиционер. Солнце заглядывало в окна, раскачиваясь на жалюзи, подпрыгивая весёлыми лучиками на потолке и столах у окна.

Так начинался каждый новый день. Душный воздух, шум кондиционера, включённый компьютер, а затем — поход к кулеру за горячей водой для чая. Только вот сегодня, в отличие от других подобных дней, сделанных как под копирку, коридор, ведущий к кабинету генерального, рядом с которым стоял кулер, был тихим и пустынным, и её негромкие шаги эхом отдавались от стен и потолка. Никто не здоровался, не улыбался, не спрашивал, как прошли выходные.

И хорошо. Лиза очень не любила врать, но сегодня на такой вопрос она ни за что не смогла бы ответить правду.

С этого дня Лиза стала заходить к Ольге Николаевне. И просто так, и заниматься французским и английским языками. Соседке тоже было скучно на новом месте, и она с радостью принимала у себя Лизу.

Оказалось, что отец Дениса погиб в автокатастрофе, в которую они попали вместе с Ольгой Николаевной. Только она выжила, оставшись хромой, а он умер, не приходя в сознание.

После этого Ольга Николаевна с Денисом решили продать прежнюю квартиру — слишком больно было в ней находиться — и переехать на новое место. Из-за проблем с передвижением женщина уволилась с работы, перейдя на внештатный режим, и теперь переводила книги, сидя дома. Денис пять дней в неделю ходил в офис — он закончил экономический факультет и работал риелтором, — так что Лиза видела его крайне редко. В семь, когда Денис возвращался с работы, возвращалась и Лизина мама, и девочка спешила домой ужинать. Поэтому чаще всего она просто улыбалась ему очень радостно и восхищённо, встречая в ответ кислую улыбку, которая тем не менее казалась ей самой прекрасной во вселенной, — и упархивала к себе.

Денис оказался старше Лизы на двенадцать лет, и какое-то время ей думалось, что это страшно, просто до ужаса много. Двенадцать! Это же на два года больше, чем ей сейчас, а ведь

она прожила уже такую большую жизнь! Денис совсем-совсем взрослый, а Лиза маленькая. Конечно, она ему неинтересна.

Вот так Лиза оправдывала и его кислые улыбки, и то, что Денис практически никогда ничего у неё не спрашивал. Маленькая, неинтересна.

«Ничего! — думала девочка, глядя на себя в зеркало. — Я вырасту и обязательно стану интересной!»

Что ж... выросла.

— Привет, Лизка! — громко поздоровалась коллега по имени Маша, резко распахивая дверь — так, что та со стуком ударилась об стену. Лиза от неожиданности подпрыгнула и чуть не разлила чай.

Маша была прекрасным человеком и отличным переводчиком с китайского, но порой вела себя слишком шумно. Впрочем, ей всё и всегда прощали — сердиться на неё было решительно невозможно.

Высоченная — почти метр девяносто! — девушка с длинными ногами, светлыми волосами до пояса и широкой улыбкой от уха до уха излучала такой позитив, что казалась воплощённым на земле лучом света. Одевалась она всегда в розово-белое. Вот и сейчас на Маше красовались коротенький сарафанчик цвета молодого поросёнка и белые кеды. Через плечо была перекинута крошечная ярко-розовая сумочка, откуда торчал здоровенный книжный том. «Франц Кафка. Избранное» — гласила надпись на корешке.

И ведь это был не просто антураж — Маша действительно читала и Кафку, и Камю, и Гессе, и даже Иммануила Канта. Как она умудрялась сочетать в себе всех этих авторов и любовь к розовому цвету, понять было сложно, даже практически невозможно, но Лиза и не пыталась.

— Привет. — Она старательно улыбнулась и подняла повыше чашку с чаем, словно хотела спрятаться за ней. — Как... прошли выходные?

— Купаться ездила, — ответила Маша весело, примостив сумочку с книжкой на край стола и включая компьютер. — А ты... хм... а ты чего такая грустная?

Что ж, на этот раз придётся врать.

— Голова болит.

— О, — коллега оживилась. — Меня тут как раз научили классный массаж от головной боли делать! Давай, откидывайся, сейчас я тебя разомну, и всё как рукой снимет. И кружку-то поставь, чай в этом деле точно лишнее.

— Может, не...

— Надо-надо! — отрезала Маша, подходя ближе с решительным выражением лица. — Нечего тут страдать и киснуть! Иначе перевод плохой получится и заказчики будут плакать.

Лизе захотелось улыбнуться, но скулы свело — и всё, что она смогла, — это спросить:

— Почему плакать? Может, смеяться.

— Это мои заказчики будут смеяться, — ответила Маша полусерьёзно-полушутливо. — А твои точно плакать. Откидывайся, говорю!

Минут через десять Машиного сосредоточенного сопения и Лизиного постанывания коллега призналась, что плечи у Лизы каменные и ничего удивительного, что голова болит. И мяла, и постукивала, и поглаживала так, что хотелось расплзтись по столу, как студень по тарелке, — там и уснуть до конца рабочего дня.

Но приходили остальные коллеги, хихикали над Лизой с Машей, загружали электронные почты, начинали обсуждать заказы — и пришлось прерваться на рабочий процесс.

— Ну-у-у? — протянула Маша, плюхаясь на место и грозно сводя брови — при этом, правда, улыбаясь во весь рот. — Легче?

— Легче, — ответила Лиза, не покрывив душой.

Ей действительно стало чуть проще дышать после этого массажа. Хотя воспоминания по-прежнему не отпускали.

Шли годы, Лиза выросла и всё лучше и лучше разговаривала на тех трёх языках, которые выбрала для изучения. Английский и французский к последнему году учёбы в школе она знала практически как родной русский, немецкий — Лиза изучала его самостоятельно — сильно отставал, но она собиралась вплотную заняться им в институте.

Старшая сестра за это время успела окончить вуз, выскочить замуж, уехать из родного дома, развестись и вернуться в этот самый дом с безапелляционным заявлением:

— Все мужики — козлы! Больше никогда!!!

Случилось это как раз перед Лизиним выпускным вечером, и возвращение Веры немного подпортило им с мамой праздник. Но мама ко всему относилась философски, приняла она и этот поступок старшей дочери, сказав лишь:

— Хорошо, что не успели детей заделать. — И, поглядев на покрывшуюся красными пятнами дочь, добавила: — Ясно... Ну, что ж. Я давно хотела сделать ремонт в твоей старой комнате. Там есть отличное место для детской кроватки у окна.

Лиза поначалу пришла в шоковое состояние — ребёнок? какой ребёнок? — а потом обрадовалась. Ура, у неё будет племянница!

Вере в срочном порядке купили платье, чтобы пойти на Лизин выпускной, и в назначенный час они втроём вышли из квартиры и начали спускаться по лестнице. А навстречу по той же лестнице поднимался Денис...

Лиза смущённо вспыхнула, остановилась, и мама с Верой чуть не врезались в неё — она-то шла первой.

Денис поднял голову, оглядел девушку удивлённо, а потом чуть улыбнулся и произнёс очень тепло:

— Лиза, ты школу уже заканчиваешь? Надо же, как выросла.

— Да, выросла, — сказала мама, погладив Лизу по плечу. Она, естественно, была в курсе чувств младшей дочери, но никогда не волновалась из-за них — девочка разумная, парень хороший, а там — либо пройдёт, либо что-нибудь сладится. — Того гляди замуж будем отдавать.

— Мама... — шепнула Лиза укоризненно и всё же смогла улыбнуться. — Да, сегодня выпускной и...

— А знаете что? — Денис посмотрел на наручные часы, кивнул и продолжил: — Давайте-ка я сейчас сбегая домой, возьму камеру и пойду с вами. Будет у вас потом видео с вручения аттестатов.

Лиза от удивления онемела, а мама уже отвечала:

— Да ладно, что вы будете тратить своё время, там и других родителей полно с камерами, и вообще — у вас, наверное, выходной?

— Да, отпросился. Мама в санатории сейчас, завтра приезжает, хотел перед её возвращением кое-какие дела сделать.

— Ну вот...

— Успею, — он махнул рукой. — Так что спускайтесь и ждите, я через пять минут к вам присоединюсь. Надо же нам увековечить Лизкин выпускной! Мама завтра тоже посмотрит, порадуетя.

Это оказался решающий аргумент. О роли Ольги Николаевны в жизни Лизы её собственная мама знала, была безмерно благодарна и много раз порывалась платить за «репетиторство», но соседка всегда отказывалась.

— Хорошо, Денис. Спасибо вам.

Он кивнул и побежал вверх.

— Лиза, отомри, — сказала её мама весёлым голосом и чуть пощекотала дочку под мышками.

— Ай!

— Иди на улицу уже... красавица ты наша.

— Лизка! — Маша помахала перед её носом ладонью, заставив вынырнуть из сладких воспоминаний. — Полвторого. Я хочу кушать! Пойдём в столовую?

— Да, — Лиза вздохнула, понимая, что толком за утро так ничего и не сделала и, скорее всего, вечером её ждёт головомойка от начальства. — Да, пойдём.

Столовая располагалась на первом этаже и была самым лучшим — точнее, самым бюджетным — вариантом для обеда. Они с Машей перебивались во всех окрестных кафешках — получалось и дольше, и дороже. Да, вкуснее, хотя и не всегда. В некоторых местах бизнес-ланчи были совершенно отвратительные. Маша про них говорила: «Суп — из веника, второе — из мужских носков».

В столовой на первом этаже всё было по-советски: салаты в вазочках — обычно какой-нибудь овощной, что-то типа оливье и неизменная сельдь под шубой, которую Лиза с детства терпеть не могла. Супы — выбор из двух блюд, чаще всего — мясной борщ или вегетарианские щи, Маша называла такие «кроличьи». Гарнир — картошка, макароны, рис, гречка и капуста, стандартный набор. И горячее — говядина, курица, рыба. Иногда ещё была картофельная запеканка, в которой было много картошки с луком, но мало мяса. Ну и, конечно, компот из сухофруктов, куда же без него?

Народ из офисов набирал себе еды, рассаживался за столы, а Лиза вдруг, похолодев, подумала — а что же она будет делать после работы? И почему это пришло ей в голову только сейчас?..

Он же там. И она может с ним столкнуться в любой момент. И вечером, и утром. Нет-нет, этого нельзя допустить!

Но что же тогда делать?..

— Лиз? Что с тобой? — спросила Маша тревожно, вглядываясь в её лицо. — Ты чего такая бледная? Душно, что ли? Голова опять разболелась?

— А? Да... немного.

— Может, в аптеку сгонять, за таблетками? «Цитрамон», «Нурофен», «Спазган»... Что тебе лучше помогает?

— Топор, — неловко пошутила Лиза, хватая с полки салат. Маша покосилась на взятую вазочку и вернула её обратно. — А?..

— Это сельдь под шубой, — пояснила коллега, хмуро разглядывая Лизу. — Ты не ешь никакую сельдь, я помню. И неважно, одета она или раздета. Так сильно голова болит? Может, отпросишься у Михалыча? Он, конечно, гад и сволочь, но не до такой степени. На денёк-то уж отпустит.

Лиза внутренне ужаснулась. Да она скорее тут ночевать останется, чем отпросится! В кабинете секретаря генерального и диван есть. Он коротковат, но это лучше, чем идти домой.

— Маш... а у тебя нет знакомых, которые сдают... хм, наверное, комнату?

Подошла их очередь расплачиваться за набранную еду, и коллега ответила только после того, как они с Лизой сели за стол:

— Не знаю, я не слежу за этим делом. Может, и есть, спрашивать надо. Знакомый ищет? Говорить «я» было как-то неловко, и Лиза соврала который раз за день:

— Ага... знакомый.

— Лады, поспрашиваю.

Выпускной у неё был действительно волшебный. Мама улыбалась и гордилась, Денис тоже сиял, снимая всё на камеру, и даже Вера развеселилась, несмотря на свои неприятности. А когда Лиза замечала, как Денис смотрит на неё, её сердце колотилось, словно шальное, и хотелось прыгать, танцевать, кричать от счастья...

Так смотрят не на маленьких девочек. Совсем не на маленьких!

Конечно, она в тот день выглядела иначе — как хорошенькая фарфоровая куколка. В голубом платье с воздушной юбкой, светлыми волосами, которые мама завила ей колечками, с аккуратным макияжем на лице, в туфельках на небольшом каблуке... Очень, очень хорошенькая. Да, Денис любовался ею, как любят отцы или старшие братья на своих подросших дочек или сестёр.

А Лиза размечталась.

Правда, после выпускного ей стало не до фантазий — она усиленно занималась, сдавала вступительные экзамены и вообще не поднимала головы от учебников. Даже когда встречала Дениса на улице или сталкивалась с ним в квартире Ольги Николаевны — просто кивала, погружённая в собственные мысли.

И в тот день, когда Лиза узнала, что поступила, она тоже встретила Дениса. Он спуускался вниз по лестнице, а Лиза бежала вверх — сообщить его матери радостное известие. И чуть не полетела носом вперёд, увидев, что идёт он не один, а с девушкой. И приобнимает её за плечи, и смотрит так... совсем как на взрослую...

— Привет, Лизка, — сказал он весело, мазнув по ней равнодушным взглядом. И пошёл дальше. А Лиза, обернувшись, успела заметить, как Денис опустил руку с плеча девушки на её ягодицу, сжал, и его спутница кокетливо хихикнула.

Стало очень больно — просто невыносимо. Словно свет вокруг померк. И даже радости от поступления Лиза больше не ощущала...

Сразу после обеда мобильный телефон настойчиво зазвонил.

Лиза посмотрела на экран — Ольга Николаевна. Сердце будто ледяным обручем сжало. Значит, мама Дениса вернулась из своей поездки на море. Ну да, как раз сегодня должна была вернуться. И теперь хочет пообщаться с Лизой.

Но как тут общаться?.. Невозможно.

Телефон завибрировал — пришло сообщение в ватсап.

«Лизонька, пожалуйста, перезвони».

Лиза моргнула, ощущая, как подходит комок к горлу и режет глаза — словно кто-то бросил в них горсть соли.

И вновь вибрация.

«Ничего с собой не делай. Лиза, пожалуйста, позвони!!!»

Делать?.. Что она имеет... А...

Глупо. Как можно что-то с собой делать, когда у неё мама, для которой ты — вся жизнь, и Вера, и племянница? Маришка осенью в школу пойдёт, и Лиза собиралась купить ей большой красный бант...

«Лиза, пожалуйста. Я тебя умоляю, перезвони».

Она начала задыхаться.

И, задыхаясь, поставила номер Ольги Николаевны в чёрный список.

А заодно и номер Дениса...

Тем летом у Лизы было плохое настроение — именно из-за того, что она постоянно видела Дениса с той девушкой. Лизе она страшно не нравилась, и единственное, в чём Лиза находила отраду для собственного израненного безответной любовью сердца, — это тот факт, что Ольге Николаевне пассия сына тоже была не по вкусу.

— К сожалению, — говорила соседка, вздыхая, — мальчики часто выбирают неправильных девочек. Потом разберётся... жениться вроде не собирается...

Денис действительно разобрался — примерно к концу осени, когда Лиза уже вовсю училась на первом курсе, а Вера лежала в роддоме, рожая Маришку. И после появления племянницы всё настолько закрутилось вокруг младенца — а ведь Лизе ещё и первую сессию сдавать предстояло! — что ей резко стало не до Дениса и его девушек.

Так пролетел первый курс. Он был до краёв заполнен учёбой, бессонными ночами, подгузниками, больными животиками и бесконечной любовью к крохотному человеческому существу, которого совсем недавно ещё не было на свете. Мама много работала и почти не сидела с Мариной, Вера тоже брала себе внештатку — она занималась бухгалтерией на дому. Сестре была нужна помощь Лизы, и та старалась помогать, но и учёбу не забрасывала. Конечно, ей было не до Дениса.

Ближе к концу первого курса за Лизой начал ухаживать однокурсник, но она так и не смогла принять эти ухаживания — слишком сильным оказалось её чувство к соседу. И на всех свиданиях, которых, впрочем, было немного, Лиза сравнивала своего ухажёра с Денисом. Не в пользу ухажёра...

Только летом после первого курса Лиза, освободившись хотя бы от учёбы, осознала, насколько устала. Сдав сессию, она зашла к Ольге Николаевне похвастаться успехами, и, пока соседка заваривала чай, Лиза ждала её на диване в гостиной. Буквально на секунду прикрыла глаза — и проснулась от весёлого смеха.

— Вот это тебя укатали, — хохотал Денис, глядя на Лизу, которая спала на их диване, открыв рот и почти пуская слюни. — И учёба, и дети маленькие... Не позавидуешь.

— Деня, — протянула Ольга Николаевна укоризненно, выглядывая из кухни. — И чего ты её разбудил? Пусть бы поспала. Умаялась, бедняжка.

Лиза, выпрямившись, смущённо потёрла глаза. Угораздило же её так опозориться перед Денисом...

— Да, это я не подумал. Извини, Лизка. Но могу искупить свою вину, — он улыбнулся и подмигнул. — Я там клубники купил и черешни. Будешь? С мороженым.

Ей стало очень жарко. И от предложения, и от этого подмигивания. Раньше Денис ей не подмигивал...

— Будет-будет, — крикнула Ольга Николаевна. — И я буду. Давайте, идите сюда.

В тот день, когда Лиза вернулась домой после нескольких часов посиделок на соседской кухне, ей казалось — она не ходит, а парит над землёй, словно облачко.

Ещё ни разу она не общалась так долго с Денисом. А тут он сидел рядом, на соседней табуретке, и расспрашивал и об учёбе, и о племяннице, и улыбался, и даже предлагал клубнику и черешню посочнее и посимпатичнее.

— Вот, держи, — говорил он, и на тарелку ложилась очередная крупная, мясистая ягода. — Набирайся сил, чтобы больше днём не выключаться, как игрушка без батареек.

Лизе было приятно, тепло и светло. И Ольга Николаевна была довольна — смотрела на них и улыбалась многозначительно.

Будто понимала что-то, чего ещё не понимали они.

Не прошло и десяти минут, как телефон снова зазвонил, но на этот раз номер был незнакомый. Лиза колебалась недолго, секунд пять, а потом тоже добавила этот номер в чёрный список.

Конечно, Ольга Николаевна, кто ещё это может быть? Вера или мама позвонили бы со своих телефонов, так же, как институтские или школьные подруги. Либо спам, либо Ольга Николаевна.

Ещё пять минут — и вновь звонок. Сразу в чёрный список. И звук отключить, чтобы коллег не тревожить. При переводе важно сосредоточиться на тексте, а какое тут сосредоточение, когда один трезвон за другим.

Но звонок от Веры игнорировать было нельзя, и Лиза всё же взяла трубку, выйдя на время в коридор.

— Аллю...

— Лизок, — протянула сестра удивлённо, — а тебя тут что-то Ольга Николаевна разыскивает, говорит, ты трубку не берёшь. Всё в порядке?

— Да, — ответила Лиза, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я просто не хочу разговаривать. Но скажи ей, что со мной всё в порядке. И будет в порядке. Передашь?

— Передам, — удивления стало больше, — а что случилось-то?

Она прислонилась спиной к холодной стене, вздохнула. Господи, как ответить, что сказать? Что ни скажи — всё плохо.

Только бы Ольга Николаевна с Денисом сами не рассказали маме и Вере правду. Только бы они промолчали!

— Да ничего особенно, Вер. Поссорилась просто, не хочу пока общаться.

— Поссорилась?! С Ольгой Николаевной?!

— Нет.

— А-а-а, — Вера, кажется, выдохнула с облегчением. — Ну, я давно говорю — все мужики козлы, и Дениска не исключение.

— Угу.

— Давай, до вечера.

«До вечера...»

Лиза положила трубку и села на корточки, не обращая внимания на снующих мимо туда-сюда коллег.

Нельзя идти домой, нельзя. Нельзя, чтобы мама и Вера увидели её в таком состоянии. Нельзя встречаться с Ольгой Николаевной и тем более — с Денисом. Нужно срочно искать комнату или квартиру, а пока оставаться в офисе. С охранниками она уж как-нибудь договорится... за коньяк-то...

В горле засадило, глаза наполнились слезами, и Лиза, не выдержав, встала и шмыгнула в женский туалет.

Со второго курса Лиза стала больше общаться с Денисом. Как-то так получалось, что Ольга Николаевна часто звала её в гости в то время, когда он был дома, но и сам Денис не возражал. Он и про свою работу риелтором рассказывал, и расспрашивал девушку про учёбу, и с интересом слушал, как Лиза с Ольгой Николаевной обсуждали какие-нибудь типично переводческие проблемы, в основном связанные с художественной литературой — Ольга Николаевна специализировалась именно на таких переводах.

И странное дело — Лиза, влюбляясь в Дениса всё сильнее и сильнее, замечала, что при этом она почти перестала его стесняться. Чем больше общалась — тем легче было разговаривать, и Лиза уже могла и подтрунивать над Денисом, и смеяться с ним хором, и задавать ему вопросы.

За полтора-два года Денис поменял нескольких девушек — Лиза совсем не могла запомнить ни имён, ни лиц, так быстро они превращались из одной в другую, — и вовсе перестала переживать по их поводу. Она иногда замечала на себе его задумчивые взгляды, полные какого-то непонятого для неё чувства, — и трепетала от них. И ждала. Ждала, когда Денис сделает первый шаг. Не может же она сама... Нет, наверное, другая девушка смогла бы на её месте проявить инициативу, но не Лиза.

Она ждала.

А потом Денис съехал. Не сразу, конечно, — сначала у него появилась девушка, которая стала постоянно мелькать как перед Лизой, так и перед Ольгой Николаевной. С полгода они просто встречались, а затем она предложила жить вместе. Она не желала ждать, как Лиза, и сразу взяла быка за рога.

Лиза тогда была на предпоследнем курсе института. Она всю ночь проплакала в подушку, узнав эту новость, а наутро решила устроиться на работу. Ольга Николаевна подсобила — и через неделю Лиза пошла работать в компанию, занимавшуюся выполнением различных заказов на переводы всего подряд — технической документации, каталогов, книг, научных статей и даже инструкций для телевизоров. Официально Лиза считалась там переводчиком с французского, но выполняла и «английские», и «немецкие» заказы. Впрочем, как и остальные. Маша, специалист по китайскому, неплохо знала английский и сносно — испанский.

Работа помогла ей справиться с эмоциями, и совсем скоро Лиза успокоилась. Что ж, ещё не всё потеряно. Да и самого Дениса она продолжала видеть примерно с такой же периодичностью, как и раньше, — он приезжал к Ольге Николаевне минимум три раза в неделю, помогал с уборкой, таскал продукты и общался с ней и Лизой. В их отношениях ничего не изменилось, если не считать его участившиеся странные взгляды, которые Лиза ловила то на своих коленях, то на груди, то на губах. Наверное, если бы у неё был другой характер, она бы придумала, как это использовать, но... что не дано, то не дано.

Так прошло ещё несколько лет, и вот — две недели назад Ольга Николаевна улетела на море, Лизу попросила забегать, поливать цветы, чтобы не мотать Дениса, и вчера вечером...

— Лиза! Лиза, открой дверь! Я слышу, как ты всхлипываешь!

Вспоминать о том, что случилось накануне, было невозможно, и Лиза закрылась в туалетной кабинке, пытаясь справиться с эмоциями. Получалось отвратительно — слёзы лились из глаз сплошным потоком, в груди болело и клокотало, и как она ни старалась сдерживаться — всё равно периодически всхлипывала, шмыгала носом и скулила, словно побитая собака.

— Лиза! Клянусь, я скоро сломаю этот е** туалет!!! — возмущалась Маша, дёргая дверцу. Она находилась снаружи — там, где был умывальник. Туалет здесь был один-един-

ственный, другой, на три кабинки, располагался в противоположном конце коридора. Поэтому Лиза и пошла сюда, думая, что никому не будет мешать. Но первая дверь не закрывалась изнутри на случай, если кому-то понадобится умыться или что-то выбросить, — поэтому Маша и поймала Лизу с поличным.

— Открывай, говорю, хватит реветь!

— Я не реву, — пробормотала Лиза и услышала в ответ:

— Ревёшь! — Дверь вновь угрожающе задрожала явно от удара кулаком. — Выходи быстро!!!

Что ж, другого выхода — и в прямом, и в переносном смысле — у неё всё равно не было. И Лиза, вытерев глаза бумажным платочком, открыла щеколду.

Маша не вошла, а ввалилась внутрь кабинки — со сведёнными бровями, но сверкающими от тревоги глазами. И сразу, обняв Лизу, произнесла:

— Расскажи, легче станет.

— Нет. — Лиза помотала головой, ощущая, как вновь полились слёзы из глаз. — Не смогу.

— Сможешь, ты сильная. Давай, расскажи, что с тобой происходит. И вместе мы найдём выход.

«Нет выхода», — подумала она, но всё же начала рассказывать.

Лиза зашла в квартиру Ольги Николаевны ближе к десяти часам вечера — днём было совсем некогда. Быстро полила цветы, а потом решила немного убраться и протереть пыль — помнила, что соседка скоро возвращается, хотела сделать приятное.

Ровно в одиннадцать, когда Лиза всё закончила и на секунду присела на диван передохнуть, в замке заскрежетало, а затем входная дверь с оглушительным грохотом открылась, ударившись о стену, и Лиза услышала странный звук — будто в коридоре упал мешок с песком.

Вскочив с дивана, она ринулась в коридор. Там, на полу, сидел Денис, прислоняясь головой к двери, и запах вокруг стоял такой, что у Лизы даже глаза заслезились.

Она никогда не видела его пьяным, даже выпившим не видела, поэтому сразу забеспокоилась.

— Господи, что случилось?..

Он смотрел на неё мутными глазами, как будто не узнавая, и молчал.

— День, что случилось? — повторила Лиза, наклоняясь и пытаясь поднять его с пола. Конечно, куда ей — он же настоящий медведь... — Что? Умер кто?

— Угу, — буркнул Денис, обдав её настолько пропахшим алкоголем дыханием, что даже голова закружилась. — Я.

Лиза удивлённо моргнула.

— Кто?.. Ты? Что за глупости, День, ты жив... пьян только...

— Будешь тут пьяным... — сказал он заплетающимся языком, оттолкнув её от себя, и встал сам, держась за стену. — Шлюха, б**...

— Кто?

Денис вновь посмотрел на неё, усмехнулся как-то нехорошо — раньше Лиза не видела у него такого лица.

— Бабы. Все. От-т-тойди.

— Давай помогу?..

— Отойди! — рявкнул он, оторвался от стены и пошёл вперёд, в свою комнату. Лиза нерешительно направилась следом. Она не знала, чем может помочь, — она вообще ни разу в жизни не общалась с пьяными мужчинами, если не считать пристававший на улице, — и была не в

курсе, как их полагается приводить в себя. Ледяной душ? Но как Дениса затащить в ванную? Он если только сам туда может пойти, насильно — никак, не справится она с ним...

Денис дошёл до своей комнаты, открыл дверь, покачиваясь, — и тут заметил, что Лиза до сих пор здесь.

— Ты... — выдохнул он с какой-то странной, необычной злостью. — Чего таскаешься за м-м-мной? Чего тебе н-н-надо? Хотя... всем вам это н-н-надо... Ща дам.

Он резко схватил её за руку, дёрнув на себя, — и Лиза влетела в комнату. Запнулась о ковёр и упала на кровать, которая стояла в шаге от входа.

Встать она не успела. Денис навалился сверху — Лиза от неожиданности и тяжести задохнулась, — а он уже задирает юбку платья.

— Шлюхи... — бормотал он, одним движением стаскивая с неё и трусы. — Одно и то же... Всем...

Только в этот момент Лиза по-настоящему испугалась. Испугалась до паники, до похолодевшей кожи, до сведённых скул... но всё-таки выдохнула:

— Денис, не надо! Ай!

Лиза почувствовала что-то внутри себя — секундой после она поняла, что это палец, попыталась отодвинуться, но Денис так навалился, что это было абсолютно невозможно. Она могла только головой дёргать.

Палец исчез, но вместо этого Денис начал зло и остервенело хлестать её ладонью по ягодицам, шепча что-то неразборчивое, яростное.

— Деня, ты что?! — Лиза заплакала. — Это же я!

Шлепки прекратились, послышалось шуршание, а через пару мгновений Лиза задохнулась, ощутив такую дикую боль, что в глазах зарябило красным. И внизу живота — будто бы нож...

Денис не остановился, сразу начал двигаться, резко и размашисто, — и от боли хотелось кричать, но не было дыхания. Ничего не было. Только слёзы, стекающие по щекам, влага между ног, металлический запах крови и тонкие, сведённые судорогой пальцы, которыми она вцепилась в покрывало.

Сознание Лизы уже начинало уплывать в черноту, когда Денис наконец застонал и остановился. Упал рядом и, пробубнив явно что-то матерное, моментально отрубился, даже захрипел.

Этот храп и привёл её в чувство. Лиза вскочила, морщась от жуткого ощущения между ног — как от ссадины, только гораздо больнее, — надела валяющиеся на полу трусы и выбежала из квартиры.

Мама, Вера и Маришка уже спали, и вопросов, тревог, а затем истерик Лиза избежала. Приняла душ, переоделась, поменяв трусы и поставив туда прокладку — кровь продолжала течь, — и ушла из дома, боясь, что утром она может столкнуться с Денисом.

Добралась до работы на ночном наземном транспорте и села в сквере неподалёку...

Закончив рассказывать, Лиза вновь расплакалась. Маша, с бледно-зелёным лицом, гладила её по плечам и говорила:

— Всё, всё, ну хватит, перестань... Лизок, слышишь? Я сейчас выйду, позвоню кое-кому, ладно? А потом поедem на твоё новое место жительства.

Лиза так удивилась, что даже плакать перестала.

— Что?..

— На новое место жительства, говорю, поедem. Только тебе умыться надо и перестать плакать, а то хозяин квартиры испугается.

— А... Кто?..

— Да знакомый один, — Маша как-то странно улыбнулась. — Я только сейчас вспомнила, он говорил, что ищет жильца в комнату. Там трёшка. И он точно не обидит тебя, я обещаю.

— Маш...

— Не обидит, — повторила она твёрдо и уверенно. — Клянусь. Да и тебе пригодится мужская помощь, если этот твой... Дениска-пиписка... подвалит. Володя его под хохлому распишет.

— Володя? Так это же...

— Угу. Брат мой старший. Давай, умывайся, а я пока позвоню.

— Алло.

— Привет, Володь. У меня к тебе дело.

— Так. Какое?

— Я к тебе сейчас привезу коллегу... подругу мою... В общем, будешь сдавать ей одну из комнат, скажем, за десятку в месяц.

Молчание.

— Маш... ты хорошо себя чувствуешь?

— Если честно, не особо. Короче, мне сейчас некогда... Давай начистоту. Помнишь, сколько я потратила своего драгоценного времени на перевод этой грёбаной огромной медицинской статьи с китайского для твоего диссера?!?!

— Маш...

— Я уже двадцать пять лет «Маш»! Ты мне что тогда сказал?! «Я — твой вечный должник». Вот. Отрабатывай.

— Ну, знаешь, это как-то слишком.

— Володя! Пожалуйста.

— Маш...

— Очень надо, честно. Ей некуда идти. Спаси девушку.

— Думаешь, из меня получится хороший спаситель девушек?

— Отличный. Первокласный. Только ты... аккуратнее с ней. Её очень обидели. Очень-очень...

— Что-то мне не нравится вот это «очень-очень». И на какой срок твоей коллеге нужно жильё?

— Я не знаю. И пока сложно сказать. Ну... хотя бы на три месяца.

— Зашибись...

— Володя!

— Ладно, Маш. Привози. В конце концов, с этой статьёй ты меня тогда действительно спасла...

— Вот именно.

— Да и квартира большая, как-нибудь переживу. Симпатичная девочка хоть?

— А вот об этом даже не думай. Табу.

— Да больно надо...

Когда Маша вновь вошла в туалет, Лиза уже успела умыться и почти успокоилась. Лицо, правда, всё равно было красным, как варёный рак, и белки глаз от него не слишком отличались.

— Маш... я тут подумала... Не нужно этого... Твой брат не сдаёт ведь никому, да? Ты это сейчас придумала.

— Чего это я придумала? — возмутилась коллега, но глаза отвела. — И вообще, не вали с больной головы на здоровую. Вот ты, например. Почему в полицию не пошла?

— Ты что... — Лиза вздохнула. — Я же Дениса с детства знаю, и маму его. Я им зла не желаю. Особенно Ольге Николаевне. Она же со мной языками занималась...

— Ты — понятное дело, не желаешь. А этот Дениска тебе вот пожелал. Простила, что ли?

— Как такое можно простить? — Лиза покачала головой. — Нет. Но толку от этой полиции? Я не хочу, чтобы его сажали, деньги мне не нужны, и...

— А чтоб nepовaдно было!

— Да как ты не понимаешь?! — заорала Лиза, вновь сорвавшись в истерику. — Я НЕ ХОЧУ ОБ ЭТОМ РАЗГОВАРИВАТЬ! Я ДУМАТЬ ОБ ЭТОМ НЕ ХОЧУ! Я ВИДЕТЬ ЕГО НЕ ХОЧУ!!!!

— Тихо, тихо... — Маша прижала зарывавшую Лизу к себе и виновато пробормотала: — Прости, я дура, не подумала...

— Там же... — шептала Лиза, заливая слезами Машино плечо, — надо... рассказывать... показывать... встречаться... с ним... Как это? Как я буду? Ты... с ума?... Да ты что...

— Да дура я, дура.

— Я забыть хочу... и жить дальше... понимаешь?

— А вот это отлично, Лизок. — Маша кашлянула и дрожащим голосом продолжила: — Надо тебе опять умыться, наверное. И поедem. Володя ждёт.

— Может...

— Нет, Лиз. — Голос коллеги вновь затвердел. — Нельзя тебе туда возвращаться. По крайней мере сейчас. Потом либо другое жильё найдёшь, либо... Разберёшься, в общем. А пока — к брату. Не бойся его, он хороший. И кстати, — Маша улыбнулась и, заглянув Лизе в глаза, продолжила: — Он хирург. Так что... может отрезать этому Денису что-нибудь лишнее. Или, наоборот, пришить. Совесть, например.

Лиза промолчала. Ей действительно очень не хотелось больше об этом разговаривать. И плакать тоже не хотелось.

И к Машиному брату не хотелось. Нет, она верила, что он хороший, но... мужчина же.

А все мужики — козлы, как говорит Вера.

Квартира Машиного брата была всего в получасе езды от их работы — удобно. И дом Лизе понравился, и двор, и большой парк рядом. Там даже были пруд и велосипедные дорожки — Лиза любила и воду, и кататься на велосипеде.

— Ты это... — Маша неуверенно покосилась на неё, но продолжила: — Сходи к врачу. Как я понимаю, он...

— Угу. Завтра схожу к платному, чтобы быстрее.

— А у тебя какой день цикла?

— Двадцать шестой.

Маша громко вздохнула.

— Тогда маловероятно. Не хватало ещё...

— Из меня очень много крови вылилось. — Лиза поморщилась. — Прямо очень. Я не врач, конечно, но мне кажется...

— Беременность — дело такое. Там кажется-не кажется, а что угодно может быть. И кровь, и день цикла — не панацея. Лучше бы таблетки выпить. Давай в аптеку зайдём? Она на первом этаже Володькиного дома как раз располагается.

— Думаешь, не поздно?

— Нет. Самое время.

В аптеке Лиза купила и минеральную воду, и таблетки — и, выйдя на улицу, сразу выпила первую. Посмотрела на Машу — и не удержалась от вымученной улыбки, увидев облегчение на её лице.

— Одной проблемой меньше, — сказала коллега преувеличенно бодрым голосом. — Ну, поднимаемся?

— Да, — вздохнула Лиза и поёжилась. Маша заметила этот жест и повторила:

— Не бойся Володю. Он правда хороший. И врач, и человек. И совершенно непьющий, даже пиво не пьёт. Кефир только. Но на кефире далеко не уедешь.

— Я понимаю, Маш. Не обижайся... это просто...

— Да я знаю, инстинктивно.

— А на сколько он тебя старше?

— На десять лет. Ему тридцать пять.

— Почти как Денису.

— Поверь... у моего брата намного больше мозгов.

Открывший дверь Володя был очень похож на Машу. Тоже светловолосый — впрочем, как и Лиза, — голубоглазый, очень высокий, но не худой, скорее спортивный мужчина с приятной вежливой улыбкой и уставшим взглядом.

— Добрый вечер, — сказал он. — Привет, Маш.

— Ага, — коллега осторожно выдвинула Лизу вперёд. — Вот, знакомьтесь. Мой брат Володя Климов — моя коллега и подруга Лиза Ерохина. Живите дружно.

— Не волнуйся, сестрёнка, я вообще пацифист, — кивнул Володя, разглядывая Лизу. Нет, во взгляде этом не было ничего пошлого, ехидного или насмешливого — он просто смотрел. Но ей всё равно было неловко и страшно. — Идёмте на кухню, ужинать будем и чай пить.

— О! — Маша даже подпрыгнула. — Ужин! Спасибо, братец, я ужасно хочу есть.

— Я тоже. Ванная там, — он указал на дверь неподалёку. — Мойте руки и приходите.

Поев макарон с котлетами, Лиза расслабилась и почти перестала бояться. А ещё её начало очень сильно клонить в сон — всё же бессонная ночь и нервный день давали о себе знать.

— Пожалуй, я пойду, — услышала она тихий голос Маши и вдруг осознала, что уже почти лежит головой на столе. Выпрямилась и, часто-часто заморгав, посмотрела на Володю и его сестру. — Дашь ей что-нибудь для сна? А то у неё только эта одежда.

Кажется, мужчина удивился, но тем не менее промолчал.

— Дам, у меня футболок старых полно, — сказал Володя негромко и, повысив голос, чтобы услышала почти уснувшая Лиза, продолжил: — Лиза, я завтра уйду на работу в восемь, у меня рабочий день с девяти. А тебе во сколько выходить?

Она никак не могла сообразить — мозги уже спали.

— Я думаю, в восемь тридцать будет нормально, — вместо Лизы ответила Маша. — Тут до нашей конторы полчаса всего.

— Хорошо. Тогда я встаю в семь, иду в душ; как выхожу, бужу тебя, сам сажусь завтракать. Ты выходишь — я заканчиваю завтракать, ты садишься.

— Я обычно не завтракаю...

Лицо Володи расплывалось, но Лиза всё-таки смогла рассмотреть его скептическую улыбку.

— Боюсь, пока ты живёшь у меня, тебе придётся завтракать.

— Это почему?

— Он же врач, — ответила Маша таким тоном, будто бы это всё объясняло.

Глава 2

Денис проснулся оттого, что кто-то настойчиво его тряс. Голова разламывалась, в висках будто барабаны стучали, а во рту вообще целая армия мышей скончалась.

— День! Деня-я-я! — в голосе матери отчётливо слышалась паника. — Деня, проснись!

— Уже, — прохрипел он, разлепляя глаза. Вокруг всё расплывалось.

— Слава богу! — Ольга Николаевна вздохнула с облегчением. — Я думала, что... Ты не ранен?

— Что? — он поднял руку и потёр слезящиеся глаза. Легче не стало. — Ты о чём, мам? Я просто перебрал вчера сильно.

— Это я по запаху поняла. Но почему покрывало всё в крови? Ты лежишь, а под тобой какие-то кровавые пятна. Или это не кровь?

Секунд пять Денис морщился, пытаясь понять, о чём говорит Ольга Николаевна. Потом всё же опустил голову, посмотрел на покрывало... и его накрыло. Накрыло до такой степени, что показалось — сердце остановилось. Он даже протрезвел сразу.

Нет. Нет, нет, нет. Это же... не может быть правдой. Это сон, дурной сон. Не мог он... Лизу...

— Где Лиза? — спросил Денис, поднимая голову. Посмотрел на Ольгу Николаевну — а она смотрела на него, и глаза её постепенно наполнялись пониманием... и страхом.

— День?..

— Мама! — он вскочил, схватился за голову — затошнило. — Чёрт, где мой мобильник? Где Лиза?!

— Я не знаю! — Ольга Николаевна тоже сорвалась на крик. — Не знаю!

Денис, ругаясь, метался по комнате — телефона нигде не было. То ли стащили в той пивнушке, где он вчера бухал после разрыва с Кирой, то ли сам посеял.

— День... Ты... — Голос у матери дрожал, срывался. — Ты...

Она явно не могла спросить то, о чём думала.

— Я был пьян, — ответил Денис глухо. — Я не соображал. Мы с Кирой вчера расстались. Я её... поймал с поличным, скажем так.

Да уж, выходящий из их — точнее, из её — квартиры мужик и полуголая Кира, целующая его на прощание, — сомнительное зрелище. Они поругались, поорали друг на друга, а потом Денис пошёл и напился.

Возвращаться к Кире было невозможно, и он вернулся сюда.

— При чём тут Лиза? — почти прошептала Ольга Николаевна.

— Ни при чём. — Во рту стало ещё противнее, чем было, хотя казалось, что противнее уже некуда. — Она просто... попала под горячую руку. Mam, дай телефон, пожалуйста. Мне нужно ей позвонить. Я боюсь, она может что-нибудь с собой сделать.

Последний раз Денис видел такое выражение лица у матери в тот день, когда ей сказали, что её муж умер, не приходя в сознание.

— Ты её изнасиловал? — выдохнула она резко, зло, и её глаза блестели от невыплаканных слёз.

Денис не смог ответить «да» — просто кивнул. Ольга Николаевна несколько секунд молча смотрела на него, а потом шагнула вперёд и изо всех сил ударила по лицу. Так же молча развернулась и вышла из комнаты.

Вернулась она через минуту, почти кинула в него свой телефон и вновь вышла. Причём не только из комнаты, но и из квартиры тоже.

Денис начал звонить Лизе — раз, другой, третий... Она не брала трубку. Тогда он написал ей в ватсап. Но практически сразу заметил, что в приложении перестало отображаться время

Лизино последнего посещения — значит, она добавила номер Ольги Николаевны в чёрный список. Наверняка и его номер тоже.

Хоть бы она ничего с собой не сделала...

Ольга Николаевна тем временем, захватив из дома записную книжку с номерами телефонов — она по старой советской привычке до сих пор записывала все номера вручную, не доверяя технике, — бегала по двору, просила мобильники у местных мамочек с колясками и набирала номер Лизы. Она надеялась, что девушка ответит хотя бы на незнакомый звонок, но Лиза продолжала молчать.

Тогда Ольга Николаевна позвонила Вере. Сестра Лизы разговаривала совершенно спокойно — значит, не в курсе. И непонятно было, радоваться этому или нет. То ли Лиза просто ещё не успела рассказать, то ли... жива ли вообще её девочка?..

Вера перезвонила минут через пять.

— Лиза сказала, что с ней всё в порядке, — произнесла она, и Ольга Николаевна почувствовала, как от облегчения ноги становятся мягкими, словно вата. Они совсем перестали её держать, и она медленно опустилась на лавочку возле подъезда. — И будет в порядке. Просила передать. Чтобы вы не волновались.

— Спасибо огромное, Вера, — прошептала Ольга Николаевна. — А... как у неё голос?

— Да ничего. Напряжённый только немного. Как я поняла, они с вашим Денисом поспорились. Вы не переживайте, — продолжила Вера сердечно, — помирятся.

Помирятся... Ольге Николаевне очень хотелось в это верить, но увы — она понимала, что после такого невозможно помириться. Да, Лиза никогда в жизни не пойдёт в полицию, но это не значит, что она захочет мириться.

— Да. Спасибо.

Эх, Денис, Денис... Она так надеялась, что рано или поздно сын образумится и увидит, какой прекрасный цветок цветёт рядом. И не только цветёт, но и любит — искренне, по-настоящему, с самого детства.

Конечно, милая маленькая Лиза простит её сына. Она ведь добрая и великодушная девочка. Но... цвести для него она уже больше никогда не будет.

Весь день Денис пытался связаться с Лизой, но безуспешно. Мать с ним не разговаривала. Просто молча приготовила обед, поставила перед его носом тарелку с жареной картошкой и отбивной и ушла к себе в комнату. От неё веяло холодом и разочарованием.

Ближе к девяти часам вечера Денис спустился на этаж ниже и позвонил в Лизину квартиру.

Открыла Вера. Она улыбалась, сжимая в руке ладошку дочери, — значит, ничего не знает. Знала бы, не улыбалась бы ему, а вмазала, как мама.

— Привет, Денис. А Лизы нет, — сказала она почти весело, — и вообще она теперь здесь больше не живёт.

— Не живёт?

— Ага. Комнату решила снимать. Просила тебе не говорить где, так что я ничего не скажу. — Вера усмехнулась. — Так что иди, иди. Нету её. Думай, как грехи замаливать.

Дверь закрылась, а Денис ещё долго стоял на лестничной площадке и на самом деле думал, как и сказала Вера.

Но ничего не придумывалось. Все слова казались банальностью, цветы — обычной пошлостью, и от отчаяния сердце болело так, что Денис не понимал, как оно до сих пор не остановилось.

Он вернулся домой. Ольга Николаевна сидела в гостиной и занималась ежевечерним ритуалом — вязала. Подняла голову от рукоделия, посмотрела на Дениса взглядом, в котором не было ничего кроме разочарования, и сказала:

— Хорошо, что твой отец не дожил до этого дня.

Лиза совершенно не помнила, как уснула. Последние её воспоминания были связаны с тем, как Володя давал ей длинную белую футболку вместо ночнушки, пару полотенец и какой-то халат. Потом она, наверное, переделась и упала в постель.

Комната ей очень понравилась. Она явно была раньше детской — светлые обои и мебель, персиковые шторы, раскладной диван с рисунком в виде яблочек... Лиза бы спросила у Володи, кто тут раньше жил, но слишком сильно хотела спать, а утром оказалось некогда.

Володя разбудил её, не трогая — просто позвал и открыл дверь, чтобы она слышала, как он ходит мимо. Лиза поднялась, вышла из комнаты... и застыла, наткнувшись в коридоре на соседа в одних только спортивных штанах.

На голом мускулистом торсе блестели капельки воды, оставшиеся после душа, и пахло мылом и ещё чем-то таким... мужским...

Лиза сглотнула собственный страх и сделала шаг назад, в комнату.

— Доброе утро, — сказал Володя спокойно. Он чуть нахмурился, явно заметив её реакцию, и поменял позу, встав полубоком. — Я тебе половину завтрака оставлю. Ты омлет ешь?

— Я... — она вновь сглотнула. — Не завтракаю...

— Я же говорил — придётся, — произнёс он совершенно безапелляционно, напомнив Лизе Машу. — Не завтракать вредно. Или хочешь попасть в больницу? У нас в отделении половина больных такая — которые завтракать не любят. У них от этого гастрит, язва, панкреатит и холецистит. Так что придётся завтракать, пока здесь живёшь.

Удивительное дело, но этот Володин монолог привёл Лизу в чувство — страх схлынул. Правда, она всё ещё не могла пройти мимо мужчины по коридору к ванной — ждала, когда он куда-нибудь уйдёт.

— Ладно, я поем.

— То-то же.

Володя скрылся на кухне, и Лиза, выдохнув, шмыгнула в ванную.

Минут через пятнадцать она вышла, неуверенно кутаясь в выданный халат. Он был мужским, и от этого тоже было не по себе.

Володя заканчивал завтракать, а рядом с ним на табуретке сидел...

— Ой.

— А, — мужчина обернулся, хмыкнул, увидев Лизины вытаращенные глаза, — знакомься, это Тутанхамон. Коротко Моня. Он вчера что-то дрых в шкафу, пока вы с Машей тут были; вылез, уже когда ты спала. Не бойся, он добрый.

— Да я не боюсь, — Лиза подошла ближе и протянула коту ладонь. Он понюхал её, а потом ткнулся лбом — как поцеловал. — Просто не ожидала.

Так получилось, что до этого момента Лиза видела сфинксов только на картинках. И никакие фотографии не передавали всю странность этих животных. Голые, с огромными глазами — как кошачьи инопланетяне.

Она села на третью табуретку — рядом с котом, напротив Володи, — и спросила:

— Я что-то вчера не сообразила... Сколько я вам должна за первый месяц?

Он в это время допивал чай, и жидкость в его горле странно булькнула.

— Ничего не должна, — сказал он, поставив чашку на стол. — Считай, что в гостях. Еду только себе покупай, а так живи, пока не надоест. Ну, — он усмехнулся, — или пока моя

девушка из Таиланда не вернётся. Она программист, там сейчас работает. Но когда-нибудь вернётся.

— О-о-о, — протянула Лиза. — Да, конечно, тогда я постараюсь найти другой вариант. Но сейчас всё же нехорошо совсем без оплаты...

— Нехорошо, говоришь... Ладно, давай тогда коммуналку пополам. И продукты покупай на мою долю какие-нибудь. Типа конфет. Я люблю конфеты.

— Вы же врач, — удивилась Лиза.

— И что? — Володя поднял брови.

— Ну... они же вредные.

— Жить вообще вредно, — он пожал плечами и встал из-за стола. — Ладно, я пойду одеваться, мне через десять минут уже выходить. Приятного тебе аппетита. Ключи твои лежат на тумбочке в коридоре, рядом ещё зонт — возьми, а то дождь обещали, а ты без всего.

— Да, — Лиза почувствовала, что краснеет, — я вещи свои привезу, чтобы вас не стеснять...

— Да перестань ты выкать, — поморщился Володя. — А то я себя древним старикашкой чувствую. А я ещё вроде ничего. А? — И он поиграл мышцами на груди, как бодибилдер.

Лиза покраснела окончательно и бесповоротно.

— Э... да.

— Ну вот и отлично.

Кажется, он смеялся. Что ж, это понятно — Лиза, боявшаяся собственной тени и краснеющая по любому поводу, наверняка выглядит очень забавной.

Вновь захотелось плакать, и Лиза, помотав головой — ну уж нет, никаких больше слёз! — повернулась к плите. Там на сковородке был оставлен омлет и...

...И через пару минут она вынуждена была признать, что он ужасно вкусный.

Перед тем как включить зажигание, Володя набрал Машу.

— Алло, — сестра ответила явно на бегу. — Говори быстрее, а то я проспала. Ношусь тут. Что-то с Лизой?

— Я как раз и хочу, чтобы ты мне рассказала, что с ней. Почему она всего на свете боится? Меня особенно. Что с ней случилось?

— Слушай, не тупи. Сам знаешь, что порой случается с хорошими девочками. Особенно если в неправильных мальчиков влюбляются.

Володя помолчал, побарабанил пальцами по рулю.

— Была такая песня со словами «подруга подкинула проблем». А мне вот сестра подкинула.

— Да ладно тебе. Ага, вот и он, мой прекрасный второй носочек! В общем, не преувеличивай свои страдания. Просто ты... поаккуратнее.

— Угу... Ладно, удачного дня.

— Давай!

Володя нажал «отбой» и пробормотал:

— Видимо, без футболки лучше не ходить...

Полдня Лиза страдала, не зная, как быть с вещами. Допустим, в этом же платье она ещё может перекантоваться неделю — обещали хорошую погоду, — постоянно стирая его, но на следующей — начнётся похолодание, и как быть? Покупать себе новый гардероб — это у неё

никакой зарплаты не хватит. Но идти забирать вещи, рискуя столкнуться с Денисом... Нет, это выше её сил. Лучше ходить в платье, а когда похолодает, купить какой-нибудь плащ потеплее. И кроссовки. И...

— Лиз, ты что пыхтишь так недовольно? — спросила Маша, отрываясь от заказа на своём мониторе. — Ну просто рассерженный ёжик. Что такое?

Лиза понизила голос — не хотела отвлекать коллег.

— Да вещи... У меня ведь нет ничего, кроме того, что на мне сейчас. А возвращаться...

— Я могу забрать, — предложила Маша тот вариант, о котором Лиза уже думала чуть ранее.

— Как я это маме и Вере объясню? — почти прошептала она. — Это же безумно странно. Чего проще — заехать и самой забрать, а тут незнакомый человек в трусах будет ковыряться.

— Ну тогда давай я съезжу туда завтра, — сказала Маша. — Завтра, когда твоя мама и Вера будут на работе, а племянница в детском саду. Ты мне расскажешь, что взять, я и возьму. А ты им потом скажешь, что сама заезжала днём.

Логично. Удивительно, как это ей самой в голову не пришло, но Лиза вообще плохо врал.

— Да, — выдохнула она с огромным облегчением. — Спасибо тебе, Маш.

— Не за что.

Накануне Денис не должен был идти на работу — отпросился заранее, чтобы быть с матерью в тот день, когда она вернётся с моря, — но во вторник его ждали в офисе, и он, протрезвевший окончательно, с утра поехал туда.

Однако толку от него на работе было мало. Весь день он думал о Лизе. Как она? Где? Что делает? Что к нему чувствует? Жить и работать было совершенно невыносимо — хотелось куда-то бежать, что-то предпринимать, дабы найти и попросить прощения.

После обеда Денис позвонил матери и сообщил, что вечером задержится.

— Поеду на Лизину работу, — объяснил он, — попробую покараулить возле выхода. Поговорить с ней хочу.

— Я понимаю. — В голосе Ольги Николаевны не было ни крошки энтузиазма. — Но не дури. Сейчас ещё слишком рано, Лиза не станет с тобой разговаривать.

— Может, хоть в морду даст.

— Она не даст. У неё не тот характер. Подожди неделю, а лучше две, пусть с неё хотя бы первое... впечатление схлынет. У неё ведь... — Ольга Викторовна вздохнула и закончила совсем тихо: — ...наверняка даже кровотечение ещё до конца не прошло.

Он похолодел.

И причина была не только в кровотечении у Лизы по его вине. Но и потому что Денис вдруг вспомнил — он был без презерватива.

— Мам... а не может она... забеременеть?

Ольга Викторовна фыркнула.

— Боишься?

Он ответил сразу, даже не задумавшись:

— Надеюсь.

Мать ошарашенно молчала, и Денис пояснил:

— Так я смогу быть с ней рядом. И, возможно, когда-нибудь она меня простит.

Помолчав ещё пару секунд, Ольга Викторовна негромко сказала:

— Я понимаю. Но мы всё же в двадцать первом веке живём, сын.

Дождя так и не было, несмотря на прогнозы синоптиков, и зонт Лизе не понадобился.

Она пришла на новое место жительства раньше Володи и, подумав, рассудила, что надо бы приготовить ему ужин. Раз уж она живёт здесь практически бесплатно... И необходимо как-то отвлечься. Ничего не делать, просто сидеть и, глядя в пространство, думать, было ужаснее всего.

Да и готовить Лиза любила. Честно говоря, из того, в чём она помогала по дому маме и Вере, готовка была самым приятным. Вот только Лиза совершенно не представляла, что её «сожитель» любит есть, кроме омлета и котлет с макаронами, которыми он вчера угощал их с Машей. А в первый же вечер опозориться не хотелось.

И поэтому она решила сделать «звонок другу».

— Аллю, — голос Маши звенел тревогой, — что-то случилось?

Кажется, она всё время подсознательно ждёт, когда что-нибудь случится. Неважно что. Просто — что-нибудь.

— Нет. Я хотела спросить... Что твой брат любит есть? Ужин хочу приготовить.

Маша расфыркалась, а потом засмеялась, и в смехе этом было облегчение.

— Господи, Лиза, да он же мужик. Мужики жрут всё!

— Не-е-ет. Мой папа вот рыбу не любил.

— А мой брат жрёт всё. Но, если ты хочешь, чтобы у него от счастья морда лоснилась, напеки ему блинов.

— Блино-о-ов?..

— Да-а-а, блинов. Он их обожает. Сметана есть?

— Вроде видела...

— Вот со сметаной больше всего. Или с соусом таким, как в детском саду делали. Сметана пополам с маслом и сахар.

Лиза улыбнулась. «Как в детском саду». Володя казался ей взрослым, ещё взрослее Дениса, а тут — блины и детский сад...

— Ладно. А что ещё?

— Сырники, — ответила Маша, подумав. — Но это на завтрак надо. Из супов он больше всего борщ любит, причём без мяса.

— Ну вот, а ты говорила: всё ест!

— Да он и на мясе съел бы... А из горячего — всё с макаронами.

— Это как?

— Вот так. Всё что хочешь — с макаронами. Курицу, говядину, грибы, овощи... И всё с макаронами. Мы с мамой Володю итальяшкой дразним за эту любовь к спагеттям. В общем, корми. А то вдруг, — Маша смешливо вздохнула, — он отощает...

Когда Лиза услышала, как открывается замок входной двери, блинов она напекла уже целую горю и теста в миске оставалось совсем чуть-чуть.

Через пару минут Володя, с любопытством поводящий носом, зашёл на кухню и, увидев тарелку с блинами, расцвёл.

— О-о-о! — протянул он, улыбнувшись. — Замечательно. Оказывается, сдавать комнату прекрасной девушке — это не только приятно, но и полезно. Особенно для желудка!

Лиза смутилась и чуть не налила тесто мимо сковородки.

— Блины не слишком полезны для желудка...

— Поверь мне, — сказал Володя уже из коридора — видимо, пошёл мыть руки, — после тяжелого и нервного рабочего дня блины — лёгкая закуска. И отличное лекарство для нервной

системы. А все болезни — от нервов! Это я тебе как врач говорю. Так что очень даже полезны блины, очень.

Лизе стало так смешно, что даже руки затряслись. Она с трудом дожарила последние три блинчика — и тут вернулся Володя. С упаковкой сметаны в руке.

— Ты, я надеюсь, не на диете и сама будешь есть? — поинтересовался он, и тон его голоса настолько походил на врачебный, что Лиза, как наяву, увидела его в медицинском халате среди больничных коридоров.

— Буду.

Она опустила на табурет. На соседний тут же вспрыгнул Тутанхамон, а напротив сел Володя. Положил себе сразу пять блинов, сметаны и принялся есть, чуть ли не причмокивая от удовольствия.

Лиза тоже съела парочку, но больше не хотелось. Да и вообще — когда Володя ел и ничего не говорил, её вновь начинали посещать разные унылые мысли. На работе их почти не было — на них просто не имелось времени, — но, как только Лиза оставалась в тишине и одиночестве, её будто бы кто-то грыз изнутри, особенно в области сердца.

— А моя комната раньше была детской?

Володя кивнул, прихватывая очередной блинчик.

— Да. Здесь жила семья с ребёнком, я у них эту квартиру купил. Просто не успел ещё ремонт сделать, да и нет острой необходимости, тут и так хорошо. А что? Тебе неудобно?

— Нет, нормально. А... — Она поёрзала на стуле, но всё же спросила: — А как ваша... то есть твоя девушка отреагировала на то, что ты комнату мне сдал?

— Она пока не знает, — огорошил Лизу Володя. — Я попозже скажу. Набираюсь смелости.

— Смелости?..

— Ну да. Женская ревность — страшная сила.

Лиза почувствовала, что у неё дрожат губы.

— А она ревнивая?

— Ещё как, — он засмеялся и вытаращил глаза. — Катя просто бой-женщина. Как бы не оторвала чего-нибудь в порыве ревности. С другой стороны, что оторвёт, я пришью...

Лиза спрашивала ещё и ещё — и Володя отвечал. Она спрашивала, какие операции он делает — он сказал, что на брюшной полости, — и где учился, и защитил ли диссертацию, и на какую тему она была, и где познакомился со своей Катей, и почему та работает в Таиланде, и...

Лизе было необходимо слушать эти ответы. Иногда она теряла нить разговора, погружаясь в себя, — но тут Володя улыбался, и это как будто переключало её обратно в реальность.

Она ужасно не хотела идти спать, боясь остаться одной, да ещё и в темноте. Когда Денис её... в общем, тогда тоже было темно. А накануне она была слишком уставшей, чтобы о чём-то думать, теперь же... вряд ли она вообще уснёт...

Так и оказалось. Как только Лиза умылась, переоделась, легла и выключила свет, её затрясло. Хотелось плакать, выть и кусать подушку от боли, обиды и отчаяния. Между ног до сих пор саднило — днём почему-то было легче, а сейчас...

Лиза встала, включила ночник, села на постели. Кожа покрывалась мурашками, по телу пробегали судороги, и даже внутренние органы, казалось, сводит, выкручивает, словно половую тряпку.

Лиза всхлипнула и, разозлившись на себя, упрямо потёрла глаза кулаками. Щёки уже были мокрыми, хотя она старалась, старалась не плакать.

— Лиза.

От неожиданности она подпрыгнула на постели, обернулась — и задохнулась от страха, таким жутким показался ей силуэт Володи в чёрном проёме двери, которую она не закрыла на ночь.

— Лиза, это я, — повторил он спокойным голосом и сделал шаг вперёд. Ночник осветил его лицо, грудь, ноги. Он был в футболке и штанах, и это почему-то немного успокоило девушку. — Я тебе сейчас тут оставлю кое-что. И свет не выключай. И вот ещё. — Он положил на край постели какой-то пузырёк.

— Что это? — спросила Лиза непослушными губами.

— Успокоительное. стакан с водой я на комод поставлю. Выпей и ложись. — Володя медленно обошёл разложенный диван, на котором сидела Лиза, приблизился к комоду, положил туда что-то, чем-то щёлкнул, зашуршал — и секундой после по комнате полилась негромкая инструментальная музыка. — Всё, спокойной ночи. — Лиза не успела произнести и слова, как он быстро вышел за дверь, оставив её открытой.

Девушка сделала всё, как сказал Володя. Выпила успокоительное и легла спать. Какое-то время — довольно-таки недолгое — Лиза лежала, слушая музыку и глотая слёзы. От музыки почему-то сильнее плакалось, но... как-то иначе. Если раньше слёзы приносили только боль, то теперь они несли и облегчение.

А потом она всё-таки уснула, вцепившись в подушку сведёнными пальцами.

Глава 3

Пару секунд, когда Лиза проснулась на следующее утро, ей казалось, что всё по-прежнему.

Она по-прежнему дома, и где-то рядом ходит Вера, собирая Маришку в детский сад, а мама на кухне что-то разогревает, и оттуда вкусно пахнет, и в окно заглядывает жаркое летнее солнце, и Лиза по-прежнему влюблена в...

...И тут её небо раскололось, разлетелось на тысячи осколков.

Рядом ходила не Вера — Володя. И он же, наверное, что-то разогревал на кухне. Скорее всего, вчерашние блины. Солнце действительно заглядывало в окно, пробиваясь сквозь не голубые, а персиковые шторы, а любовь...

Разве цветы любят человека, который их растоптал?

— Лиза, вставай, — раздался от двери голос Володи. — Пора.

Он прошёл в комнату, встал возле комода — и Лиза, приподнявшись, заметила, что он забирает оттуда свой телефон. Вспомнила вчерашнюю музыку — значит, вот откуда она играла.

— Разрядился, — пробурчал Володя, — ладно, сейчас исправим. Сегодня, когда буду ставить тебе музыку, заодно зарядку принесу.

— Не нужно, — Лизе стало неловко. — Я и так усну.

— Возможно. Но лучше всё-таки перестраховаться.

Когда Володя вышел, Лиза поднялась и, надев халат, отправилась в ванную. Возле двери остановилась, заглядывая на кухню — Володя как раз нёс к столу тарелку с блинчиками, — и заметила, что он, в отличие от вчерашнего утра, одет в футболку и штаны. Как ночью, когда он приходил к ней.

Лиза почему-то сразу поняла — это из-за её страха. На улице тридцать с лишним в тени, и даже по утрам жара такая, что одежда кажется лишней. Получается, она его стесняет...

Лизе стало стыдно. В конце концов, она чужой человек, живёт тут бесплатно, ещё и мешает. Что же Маша сказала брату, из-за чего он на такой кошмар согласился? Неужели рассказала?..

Лиза, покраснев, зашла в ванную. Сердце колотилось, как шальное, и щёки горели. Стало ещё стыднее. Умом она понимала, что ни в чём не виновата, но ум с сердцем у неё сейчас были совершенно не в ладах.

Ей ужасно не хотелось, чтобы Володя — хороший, добрый, великодушный Володя! — знал об этом кошмаре. Когда Лиза думала о случившемся, она испытывала такое омерзение, её так тошнило, и казалось — Володя должен чувствовать то же самое. Конечно, он понимает, что она не виновата. Но она наверняка ему неприятна, как и самой себе.

Лиза совсем расстроилась. Стояла под душем, намыливала голову, всхлипывая и мечтая утопиться. Эмоции хлестали из неё, как вода из душа на кожу, но, в отличие от воды, выключить их, повернув кран, было невозможно. И Лиза не представляла, как остановить это.

А потом она подумала...

Господи, Володя такой замечательный, такой добрый — а она сейчас выйдет из ванной с красными глазами и носом и испортит ему утро. И так уже... столько неудобств... ещё и эти бесконечные слёзы, истерики! Нельзя же так!

Эта мысль сработала словно кран, с помощью которого Лиза перекрыла воду. Она заперла свои эмоции, домывала голову, ополоснула лицо и особенно глаза ледяной водой — и вышла из ванной.

Володя уже позавтракал и вообще стоял рядом с входной дверью полностью одетый. Закинул в сумку через плечо мобильный телефон и обратился к Лизе:

— Я сегодня... — Он запнулся, изучая её лицо. Нахмурился, вздохнул. А потом вдруг предложил: — Давай вечером в кино сходим?

— В... кино? — Лиза совершенно растерялась от такого предложения.

— Да, в кино, — голос Володи затвердел, и в выражении лица появилось что-то решительное. — Там сейчас идёт что-то хорошее, я точно помню, коллеги рассказывали. Спрошу у них. Значит, тогда вечером сходим. Только после ужина, а то я, пока не поем, ничего не соображаю.

— Да... — Лиза запнулась — с одной стороны, ей хотелось в кино, она там уже давно не была, а с другой... Он же просто из жалости пригласил! У него девушка есть! — Не надо. Я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.